

Воспоминания гомельского протоиерея Петра Рылло (1884–1937). Часть 1

Первая часть публикуемых воспоминаний гомельского протоиерея Петра Рылло посвящена описанию его семьи, детства, юности и начала семейной жизни. Значительную часть публикации составляют описания событий, происходивших в Холмской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (1914–1918).

Ключевые слова: воспоминания, мемуары, Российская императорская армия, Первая мировая война, православие, Русская Православная Церковь, Холмская епархия.

В 2016 г. Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви была передана рукопись воспоминаний протоиерея Петра Кузьмича Рылло (1884–1937), бывшего настоятеля Свято-Николаевского храма г. Гомеля. Текст воспоминаний содержит описание событий периода Первой мировой войны и гомельской церковной жизни 1920–1930-х гг., непосредственным очевидцем которых являлся протоиерей Петр. Означенное обстоятельство позволяет оценивать его воспоминания как важный исторический источник, введение которого в научный оборот будет способствовать обогащению представлений о событиях церковного прошлого первой пол. XX ст.

Петр Кузьмич Рылло родился 1 февраля 1884 г. в Могилеве. Его отец на момент рождения сына был диаконом могилевской Воскресенской церкви. Позже в сане священника он служил в с. Шупени Могилевского уезда, потом в с. Тубышки того же уезда, где и умер в 1900 г. О своем социальном происхождении протоиерей Петр сообщал в воспоминаниях с изрядной долей иронии: «Не буду, в

угоду современной моде, вести свою родословную от рабочего, но не буду вести ее, подобно древним римлянам и от гусей, спасших Рим»¹. По окончании в 1909 г. Могилевской духовной семинарии Петр Кузьмич принял священный сан и получил назначение в Холмскую епархию². В годы Первой мировой войны он служил полковым священником Российской Императорской армии. За проявленное мужество в прифронтовой полосе он был награжден орденом святого Владимира. После выхода России из войны и упразднения института полкового духовенства священник Петр Рылло поселился в Гомеле, где был избран настоятелем Свято-Николаевской (Полесской) церкви. В 1922–1924 гг. он пребывал в обновленческом расколе, но после покаяния воссоединился с Патриаршей Церковью. Когда в 1929 г. произошло закрытие Николаевского храма, его настоятель перешел на должность рядового клирика гомельской Спасо-Преображенской церкви. Во время Всесоюзной переписи населения 1937 г. протоиерей Петр призывал верующих не скрывать своей религиозной принадлежности. 17 августа 1937 г. священнослужитель был арестован Гомельским городским отделом НКВД БССР по обвинению в принадлежности к «гомельской контрреволюционной организации церковников». Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. протоиерей Петр Рылло был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 1 ноября того же года. В 1983-м и 1989 гг. священнослужитель был полностью реабилитирован³.

Свои воспоминания, датируемые началом 1930-х гг., протоиерей Петр Рылло адресовал детям, которых у него было шестеро: две дочери и четверо сыновей. Основной побуждающей причиной написания воспоминаний явилась личная драма священнослужителя. Крайне напряженные отношения с супругой самым непосредственным образом отразились на воспитании протоиерея Петра его собственными детьми. Тяготясь сложившейся ситуацией, он решил об-

¹ Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.) // Архив Гомельской епархии. – Л. 1–4.

² Там же. Л. 9.

³ Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Минск : Издательство Минской духовной академии, 2017. – С. 104–105.

ратиться к детям через рукопись, в которой нашли отражение не только описания событий прошлого, но и сокровенные переживания глубоко несчастного человека. «Все это хочу описать для своих милых детей безыскусственно и не собираюсь открывать новой Америки. Может быть для кого-нибудь из детей моих будет и интересно узнать правду об отце своем. Правды этой они не добьются от матери, которая целью жизни своей поставила умалять достоинство мое, моих родителей и родных и всячески издеваться надо мной и в присутствии детей и посторонних», – писал он в предисловии к воспоминаниям⁴.

Насколько тяжело переживал протоиерей Петр семейную драму свидетельствует тот факт, что значительную часть дневника занимают его воспоминания о Первой мировой войне, и не только по причине эпохальности этого исторического события. Время пастырского служения в качестве полкового священника он оценивал, как самый счастливый период прожитой жизни. Болезненно реагируя на несчастья военного лихолетья, священнослужитель вместе с тем ощущал свою сопричастность к мировой истории и был рад возможности послужить своему народу. Трудности семейной жизни оказались для протоиерея Петра Рылло психологически более тяжким бременем, нежели тяготы армейского быта. Служение людям на передовой, в прифронтовой полосе, в лазарете наполняло смыслом его жизнь.

В воспоминаниях протоиерея Петра Рылло отражена изнанка войны, наиболее неприглядные ее стороны: мародерство, глумление над святынями, жестокость по отношению к военнопленным и беженцам, подлость и предательство, которые имели место по обе стороны фронта. И, напротив, многие описанные им эпизоды подтверждают то, что такие высокие качества человеческой души, как милосердие или благородство души, могут не зависеть ни от национальной, ни от конфессиональной принадлежности.

Священник Петр Рылло, который в 1914 г. являлся клириком Холмской епархии, во время боев на русско-австрийской границе спасал мирных жителей от грабежей и насилия со стороны как австрийских, так и русских солдат. В воскресные и праздничные

⁴ Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.). Л. 1.

дни он собирал своих прихожан в «Туровом боре», где совершал для них утреню и литургию. Несмотря на имевшиеся разногласия с епископом Холмским и Люблинским Анастасием (Грибановским; 1873–1965), впоследствии священнослужитель тепло вспоминал архипастыря.

Отдельная тема, которой касается протоиерей Петр Рылло, – положение православного духовенства в плену и условиях оккупации. В начале войны архиереи приграничных западных епархий запретили священникам оставлять свои приходы. К этому распоряжению у автора воспоминаний было довольно критическое отношение: австрийцы и немцы крайне недоброжелательно относились к русскому православному духовенству, отмечались многочисленные случаи взятия священнослужителей в плен, издевательств над ними и даже убийства. В реализации решений Гаагской конвенции об организации религиозной жизни военнопленных немецкое и австрийское руководство столкнулось с проблемой: при большом проценте православных пленных (80 % от общего числа военнопленных российской армии) обнаружилось недостаточное количество священников, которые могли бы заниматься их духовным окормлением⁵. Попытки привлечь к исполнению пастырских обязанностей католиков и протестантов встретили противодействие и со стороны верующих, и со стороны пастырей иных конфессий (особенно католиков). При Святейшем Правительствующем Синоде была учреждена комиссия под председательством протопресвитера Георгия Шавельского, занимавшаяся проблемой духовного окормления военнопленных. Но, во-первых, решения Копенгагенской конференции, на которые можно было опереться при посылке священников в лагеря военнопленных на территорию Германии и Австрии, были приняты относительно поздно – в 1916 г. Во-вторых, до сих пор не известны случаи какой-либо организованной добровольной отправки духовных лиц из России в лагерь военнопленных. Очевидно, их и не было из-за противодействия германо-австрийской стороны, которая православных священников характеризовала как «злоупотребля-

⁵ Нагорная, О.С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны / О.С. Нагорная // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 156–164. – С. 162.

ющих доверием подстрекателей и носителей вражеской пропаганды»⁶. В-третьих, проблему организации религиозной жизни в лагерях пробовали решить за счет православных священников, попавших в плен. Но содержание в плену военного священства было таковым, что многие из них, если предоставлялась такая возможность, возвращались на родину, вопреки желанию протопресвитера, который призывал духовенство до конца войны оставаться в плену, чтобы «подавать духовное утешение военнопленным». Действительно, условия содержания в плену были ужасающими, о чем красноречиво свидетельствует рассказ вернувшегося из плена священника, приведенный в воспоминаниях протоиерея Петра.

При подготовке к публикации воспоминаний протоиерея Петра Рылло возникла моральная дилемма, связанная с сомнениями относительно допустимости оглашения неурядиц семейной жизни православного священнослужителя. После длительных рассуждений авторы публикации и редакция альманаха приняли решение публиковать текст воспоминаний без купюр, что позволит читателю сформировать целостное представление о личности одного из наиболее авторитетных гомельских священников довоенного периода.

Воспоминания записаны в инвентарной книге фабричного производства. Общий объем текста составляет 117 страниц. В настоящую публикацию вошли отраженные на страницах 1–40 воспоминания протоиерея Петра Рылло о семье, детстве, юности, начале семейной жизни, приходском служении в Холмской епархии и событиях Первой мировой войны до конца 1914 г.

При подготовке текста к изданию старая орфография была заменена на современную, а особенности авторской стилистики и внешнего оформления текстов были сохранены неизменными. Корректировке были подвергнуты также те фрагменты текстовых документов, которые содержали явные орфографические погрешности и опечатки.

*Вступительная статья И.А. Грищенко, А.В. Слесарева.
Подготовка текста и комментарии протоиерея
Александра Лопушанского.*

⁶ Там же. С. 159.



Священник Петр Рыло с семьей
Фото нач. 1910-х гг.

Предисловие

Сколько раз я порывался взяться за перо с тем, чтобы с одной стороны описать свою биографию, с другой – свои переживания с начала империалистической войны 1914–18 годов – и свои наблюдения [и переживания – зачеркнуто]. Все это хочу описать для своих милых детей безыскусственно и не собираюсь открывать новой Америки. Может быть для кого-нибудь из детей моих будет и интересно узнать правду об отце своем. Правды этой они не добьются от матери, которая целью жизни своей поставила умалять достоинство мое, моих родителей и родных и всячески издеваться надо мной и в присутствии детей и посторонних. – Заранее хочу сказать, что не буду, в угоду современной моде, вести свою родословную от рабочего, но не буду вести ее, подобно древним Римлянам, и от гусей, спасших Рим. – Итак, к делу.

I

Родился я в 1884 году 1 февраля в городе Могилеве на Днепре от отца – диакона Воскресенской церкви – (сына сельского дьячка) и матери дочери также сельского дьячка. Родителей своего отца я никогда не видел, а родителей матери мне пришлось увидеть в первый и последний раз в то время, когда мне было лет 7, а старикам дедам моим – бабе 98, а деду 97 лет. Это были вросшие в землю старички, современники Отечественной войны 1812 года. Из воспоминаний старика деда остался у меня в памяти рассказ о том, как во время нашествия французов они спрятались в высокой конопле. Деды очень рады были посещению их дочерью, зятем и внуком, и дед, глубокий старик, сам запряг лошадь и возил меня – малыша в местечко за 15 верст, где угощал меня конфетами. – Старики умерли имея по 115 лет от роду, причем до конца дней своих были на своих ногах.

Отец мой не получил среднего образования, он окончил низшее отделение бурсы, но был человеком развитым, разумным, а главное его достоинство – это его доброе, отзывчивое сердце, привлекавшее к нему окружающих его людей.

Сейчас, когда я пишу эти строки, прошло уже свыше 30 лет после его смерти (он умер в 1900 году), но и в этом году мне пришлось слышать самые лучшие отзывы о нем его прихожан; это в приходе, где после смерти отца перевернулось до десятка священников и в то время, когда достоинство нашего брата священника всячески стараются умалить.

После продолжительного служения в сане диакона отец мой, – по выдержанию установленных в то время испытаний, – был назначен священником в с. Шупени⁷, Могилевского уезда, а затем – в село Тубышки⁸, где и умер.

Мать моя – необразованная простая женщина, но разумная от природы. Она умеет читать и кое-как подписывает свою фамилию. Она много, хотя и не систематически, читала на своем веку, многое почерпнула из книг и в свое время была умудрена жизненным опытом. – Ее недостатком было то, что она любила выпить, а выпивши – отравляла существование и покойному отцу, которого я безгранично любил, отравляла существование и мне. Когда я был еще семинаристом – мать моя, в пьяном виде, не раз ставила меня в неловкое положение пред окружающими, но я любил ее и никогда не позволил себе оскорбить ее. Выпивши, она всегда сказывалась больной, хотя я и знал ее болезнь и часто следил за тем, как в течение дня испаряется из бутылки в кладовке – живительная влага.

Только при окончании семинарии я высказал своей матери, что знаю причину ее болезни и с любовью уговаривал ее оставить свою привычку, которая подрывает ее здоровье и мать дала мне торжественное обещание оставить ее, что и сделала.

По смерти отца, не оставившего никаких средств к жизни, мать стала получать 30 рублей пенсии в год, на которые прожить было, конечно, невозможно, но она жила благодаря только добрым прихожанам отца, помогавшим матери продуктами. Кое-что присылала изредка сестра, бывшая замужем за секретарем окружного суда. – Я учился на казенный счет в духовном училище и семинарии, старался

⁷ Ныне д. Шупени, Круглянский район, Могилевская область. В Шупенях находилась церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы.

⁸ Ныне д. Тубышки, Круглянский район, Могилевская область. В Тубышках находилась церковь в честь святителя Николая.

подработать уроками и из своего небольшого заработка – одеться почище и быть хотя кое-чем – полезным матери.

Учась в духовном училище, – я здорово подленивался, но, перейдя в семинарию, – взялся за голову, как говорят, и довольно успешно окончил ее в 1908 году. – Много было переживаний у меня во время моей учебы, много и увлечений. – Я был всегда скрытным человеком и самлюбивым. Меня всегда обижало и доводило прямо-таки до слез, когда окружающие меня люди называли бедным сиротой.

II

В приходе отца моего был небольшой хутор, принадлежавший Юлии Васильевне Подобед. Хутор этот – это остаток когда-то бывшего вблизи большого имения, принадлежавшего некоему В. Подобеду. Владелец этого имения, по словам современников, был человеком неуравновешенным и страшным сутягой. Он, судясь с «сильными мира сего», просудил едва ли не все свое имение и только незначительная часть его досталась его детям: Иосифу и Игнатию и дочерям: Марии, Юлии и Лидии по 60 десятин каждому. Части свои Иосиф и Игнатий продали, а в то время, когда покойный мой отец переехал в Тубышки, – на 180 десятинах земли, арендуемых у сестер, орудовал Игнатий Васильевич Подобед.

Семья старика Подобеда, хотя и образованного по тому времени помещика, была неученая, ни в каких школах не обучавшаяся, едва научившаяся читать и писать и воспитанная среди ужасных предрассудков. Особенною грубостью и некультурностью отличались Игнатий и Юлия. Мария вышла замуж за учителя сельской школы, недоучившегося семинара, Ф. А. Пушкаревича, променявшего впоследствии должность школьного работника на должность мелкого канцелярского служащего в одном из полицейских участков города Варшавы и дослужившегося впоследствии до должности письмоводителя, или делопроизводителя полицейского участка.

В то время, когда Ф.А.П. перебрался в Варшаву, в видах русификации края⁹, русским давались всевозможные привилегии. Но

⁹ Русификация Польши – политика Российской империи в XIX – нач. XX в., на-

если все русское служилое сословие в тех краях было не на высоте своего звания, то тем более это можно сказать относительно полиции. Полицейские служащие, так сказать по традиции, были взяточниками. Исключения, наверно, не составлял и Ф.А. – По словам бывавших у Ф.А. в Варшаве – у него была полная чаша: и квартира приличная (казенная), и обстановка отличная, и стол шикарный, и одежда приличная и в большом количестве, и ящики вин, конфет и печений и всевозможные деликатесы – «добровольные приношения благодарного населения», и т. д. и т. д.

Семейство Ф.А. состояло из двух дочерей и двух сыновей. Старшую дочь Веру особенно, но своеобразно любила ее крестная мать Юлия Васильевна. Она воспитывала ее до определения ее в одну из Варшавских гимназий и передала ей все злокачества своей грубой и дикой натуры.

В детстве я, с покойным отцом, несколько раз бывал в доме Юлии Васильевны, а летом, как-то, познакомился с маленькой Варшавской гимназисткой Верой П., приехавшей на каникулы в имение своей любимой тетушки и крестной.

Ежегодно на каникулах приезжало семейство Пушкаревичей в Брягушку и почти ежегодно я встречался и проводил свободное время с этой семьей и в конце концов привязался к девочке-подростку. – Начались признания в любви, свидания в лесу у срубленного дерева, передача записок там же. – Приходилось видеть и сцены ревности, ни на чем не основанной, – в отношении родной сестры Веры – Нины и других девиц. – Я видел в В. эту ненормальность, но я в то же время слишком привязался к В., я любил ее и думал, что если приручают и диких животных, то легче приручить и перевоспитать человека. – Особенно я привязался к В. в 1905 году, когда вследствие забастовки, бывшей в семинарии, я провел с ней время с Октября 05 года по Январь 1906 года. – В 1908 году я оканчиваю семинарию. Приезжаю в деревню к матери, где у Ю. В. Подобед застаю Веру. Происходит объяснение, за которым следует предложение, а затем

правленная на ликвидацию автономии царства Польского и его дальнейшую территориальную интеграцию в состав Российской империи. Русификация Польши сопровождалась вытеснением польского языка и национальной культуры. Наиболее активно начала проводится после восстания 1863 г.

В. предлагает мне ехать в Веремовицы¹⁰, под Холмом¹¹, где она в то время была учительницей начального училища и где, вместе с ней, жили ее мать и отец, уволенный со службы из Варшавского участка. – Едем вместе, а летом – в Июле состоялся наш венец в Депултычской церкви¹². На венце присутствовала и моя родная сестра, к которой на другой же день нашей свадьбы, приревновала меня молодая жена. – Теперь, когда прошло двадцать с лишком лет после вступления в брак, я очень сожалею, что на другой же день свадьбы не оставил своей молодой жены, которая, на почве ненормальной ревности, отравляла и в конце концов, окончательно отравила все мое существование.

По окончании семинарии я мечтал идти по светской службе, я мечтал об Университете, но вышло другое. Молодая жена настаивает на принятии мною священства. Происходит борьба, в результате которой я остаюсь побежденным, принимаю сан священника в январе 1909 года и Еп[ископ] Евлогий Холмский¹³ назначает меня помощником Настоятеля в с. Плусы¹⁴, Белгорайского уезда, куда я и уезжаю, пока, один.

¹⁰ Веремовицы, деревня в 8,5 км от г. Холма.

¹¹ Холм (польск. Chełm, укр. Холм) – город на юго-востоке Польши, в составе Люблинского воеводства Польши.

¹² Ныне, Нове-Депултыче, деревня в Польше, входящая в Хелмский повят, Люблинского воеводства. В Депултычах находился храм в честь Воздвижения Креста Господня. На момент венчания Петра Рылло в приходе настоятельством священник Елевферий Зеленский (Пам. Кн. Любл. Губ. на. 1910 г., с. 264.).

¹³ Евлогий (Георгиевский) Василий Семенович; 1868–1946), митрополит, экзарх Западноевропейского Экзархата Константинопольского Патриархата. 12 января 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, назначен викарием Холмско-Варшавской епархии. После учреждения самостоятельной Холмской епархии в 1905 г. был назначен епископом Холмским и Люблинским.

¹⁴ Плусы (польск. Plusy). В Памятной книжке Люблинской губернии за 1910 г. сказано, что свящ. Петр Рылло числился помощником настоятеля села Княжполь (ныне Ксенжполь, поль. Księżpol) священника Николая Таратуты. Видимо, Плуский приход был приписным к Княжпольскому, находящемуся всего в 2-х км от него. В Памятной книжке Люблинской губернии за 1911 г. о. Петр значится уже как настоятель Плуского прихода. Т. е. служение о. Петра в Плусах было изначально, но только в должности помощника настоятеля Княжпольского прихода. Возможно, приход в Плусах был организован как самостоятельный примерно в это время, т. к. в 1910 г. такого прихода еще не существовало. (Памятная книжка Люблинской губернии за 1910 г. С. 136; Памятная книжка Люблинской губернии за 1911 г. С. 144.)

Около 1 ½ месяца я прожил один, а когда поехал за женой – она снова устроила мне скандалчик и сцену ревности, объектом которой явилась немолодая уже жена моего Настоятеля. С тех пор скандалы и всевозможные сцены со стороны «уважаемой подруги жизни» – стали обыкновенным явлением, жизнь делалась все тяжелее и тяжелее и стала «притчей во языцех», что называется. Бывали минуты, когда, казалось, я не в состоянии уже был вынести такой обстановки и подумывал о самоубийстве. Раз, живя в Плусах, – стрелялся, но неудачно.

III

Село Плусы, как я уже указал, это первый мой приход. Оно отстоит в 150–160 верстах от Холма, в 14 верстах от уездного города Белгорая¹⁵ и в 7-ми верстах, по прямой линии от Австрийской границы. Село небольшое, население – украинское. Здесь я прожил 4 ½ года. Здесь родились и мои старшие дети – Мария и Нина. – В 1913 году, Архиепископ Евлогий Холмский, объезжая Епархию¹⁶, предложил мне другой больший и более ответственный приход – Посад Кржешов¹⁷, куда я и переехал. Последний приход отстоял от Плус в 28 верстах. – Кржешов – это поганенькое польско-еврейское грязное местечко, но расположенное в высшей степени живописной местности на самой Австрийской границе. С одной стороны посада протекает река историческая Сан¹⁸, о которой сохранилась историческая же поговорка Богдана Хмельницкого: «Знай, ляше, по Сан – наше» и которая стала ареной исторических битв между Русскими и Австрийцами в 1914–1915 годах. С другой стороны, в 1 ½ верстах от посада, проходила сухопутная граница на гор.

¹⁵ Ныне Билгорай (польск. Biłgoraj) – город в Польше, центр Билгорайского повята, Люблинского воеводства.

¹⁶ Холмская епархия учреждена Указом Синода 16 июня 1905 г., выделившего ее из состава Холмско-Варшавской епархии. Первым епископом учрежденной кафедры стал Евлогий (Георгиевский).

¹⁷ Ныне Кржешув (польск. Krzeszów) – сельская гмина в Польше, входит в Нисковский повят, Подкарпатское воеводство.

¹⁸ Сан – река, правый приток Вислы, протекает по территории Украины и Польши.

Янов Люблинский¹⁹ и далее на Люблин. На очень высокой горе, покрытой садами, расположена была, среди вековых елей, старая церковь и новая каменная, построенная в 9–10 годах на средства помещика Тульской губ[ернии] некоего Пасхалова²⁰. Он, кстати сказать, после выделения Холмщины из царства Польского²¹, построил на свои средства 15 каменных храмов, одним из лучших – был Кржешовский. Здесь же находилась усадьба православного священника и дом, а шагах в пятидесяти, или ста, стояло деревянное здание костела и усадьбы двух ксендзов – пробоща²² и викария²³. На этой же горе находился маленький фольварочек и десятка полтора домиков местных обывателей. От новой церкви, между садами, идет крутой, извилистый спуск в посад, расположенный внизу, а за посадом идет песчаный берег Сана, а дальше и сам Сан несет свои быстрые воды в Вислу. Между усадьбой православного священника и костелом и за костелом есть еще два пешеходных спуска в посад. Спуски так круты, что в зимнее время трудно бывает сойти вниз. С паперти церковной открывался дивный вид на посад и на границу, которая в этом месте представляет из себя лесистую низменность. То там, то здесь виднеются Австрийские деревушки, а направо – небольшое, чистенькое местечко Рудник на Сане²⁴. Перед Рудником, среди естественного парка, – имение графа Тарновского. По берегу Сана проходит Австр[ийская] ж[елезная] дорога, которая направо за Рудник – идет на Краков, а на лево – на Ярослав и Львов. От ст. Рудник и на Краков и на Львов езды не более 4–5 часов. – В Кржешове, на берегу Сана, находилась таможенная застава (маленькая таможня) и пост пограничной стражи, в самом посаде – почта и гминное управление (волость). К[ржешов] – торговый посад.

¹⁹ Янув-Любельский или Янов (польск. Janów Lubelski) – город в Польше, входит в Люблинское воеводство, Яновский повет.

²⁰ Клавдий Никандрович Пасхалов (1843–1924) – российский публицист, государственный и общественный деятель.

²¹ Холмская губерния была образована в 1913 г. в связи с предложением епископа Холмского и Люблинского Евлогия (Георгиевского) о выделении Холмщины из Царства Польского, т. к. там преобладало преимущественно украинское население.

²² Пробощ – настоятель (католич.).

²³ Викарий – помощник настоятеля.

²⁴ Ныне Рудник-над-Санем (польск. Rudnik nad Sanem) – город в Польше, входит в Подкарпатское воеводство, Нисковский повет.

Белгородский уезд, бывшей Люблинской губ., после выделения Холмщины из состава царства Польского, входил в Холмскую губернию. В состав последней входили: Холмский, Яновский, Красноставский, Замостский, Грубешовский и Томашовский уезды Люблинской и несколько уездов Седлецкой губ. Население этих уездов, кроме Яновского, преимущественно православное, в некоторых местах – ополяченное, как напр[имер] в Кржешове, настолько, что говорило на польском языке. Мой предшественник по приходу даже проповеди в церкви говорил на польском языке.

Несмотря на то, что мне слишком мало пришлось прожить в Кржешове, мне удалось завоевать симпатии не только своих прихожан, но и поляков и евреев. – Недолго, как я уже сказал, прожил я в Кржешове. Началась война в 1914 году, принесшая массу невзгод Русскому народу в том числе и мне, а там наступил и 1915 год, в котором мне навсегда пришлось оставить края, с которыми я так сроднился.

IV

1914-ый год. Никто из нас, живущих на границе, и не думал о том, что этот год принесет нам столько переживаний. Никто и не думал о войне. Было тревожное время в 1910 г., во время 1-ой Балканской войны. – Наши приграничные люди, массой отправлявшиеся на заработки за границу: в Пруссию, Бельгию и др. западно-европейские страны, и возвращавшиеся оттуда в Декабре, говорили тогда, что в Австрии настроение приподнятое, враждебность к Русским проскальзывает на каждом шагу, поговаривают о войне, кое-где, как напр[имер] под Ярославом и Пшеворском, они видели возводимые укрепления. Настроение было тревожное и все ждали, что вот грянет гром, но грозу пронесло. Наступил 14 год. Все было тихо, спокойно. Ничто не предвещало грозы. Пришла дивная весна, а там и лето знойное наступило. Я ежедневно ходил купаться в Сан и почти всегда заходил на таможду. Прошел спокойно Июнь м[еся]ц. В конце его родился у меня сын Всеволод и при многолюдном собрании было отпраздновано крещение его. После крестин заболевает В. (жена) и болеет очень серьезно.

Я ежедневно бываю на Сане и таможене. Читаю газеты, беседую с знакомыми. Но вот одно за другим поступают газетные сообщения об убийстве в Сараеве Австрийского Наследника Франца Фердинанда, дальше следует ультиматум Австрии Сербам, объявление войны Австрией Сербии, ультиматум и объявление войны Россией Австрии, объявление войны Германией России и... заварилась каша, расхлебывать которую приходится и ныне.

На таможене ежедневно приходится встречать растерянных Русских, едва пробравшихся из-за границы среди разъяренных Австрияков и немцев, слышать рассказы об ужасах путешествия по Австрии. Объявлена мобилизация, проходящая очень спешно, отправка мобилизованных, а вслед за ней и эвакуация учреждений (почты, таможни) и уход пограничной стражи. – Я остаюсь на месте и не собираюсь никуда выезжать, да, собственно говоря, и выехать-то нельзя, так как жена очень больна. – Настроение все же приподнятое, тревожное, хотя и думаю, что противник не тронет мирных жителей. В таком духе я успокаиваю и местное население, относящееся ко мне с большим доверием и обращающееся ко мне с различными запросами. Я рекомендую всем сидеть на местах, не вмешиваться ни во что и ждать надвигающихся событий. У нас на границе войск нет. Изредка появляются небольшие кавалерийские отряды, производящие разведку. Прибыл как-то под вечер, кавалерийский отряд, расположился у меня в доме и во дворе, расставил пикеты, переночевал. На другой день (воскресный), утром – отряд рассыпался по посаду, заметил неприятельский отряд на другом берегу Сана. Началась перестрелка ружейная, продолжавшаяся около часу. Наконец все затихло. Отряд, сев на коней, спешно ушел из Кржешова. Я совершил богослужение в церкви. Все снова спокойно. Но вот в конце Июля, как-то под вечер, раздались ружейные выстрелы вправо от Кржешова, а затем и орудийная пальба. Я взобрался на колокольню и в двух верстах от Кр[жешо]ва, в дер. Нижней Каменке увидел разрывы снарядов и суетящихся конных людей. Это была небольшая стычка между Русскими и Австрийцами. Бой продолжался часа 1 ½ – 2, но он так подействовал на вашу мать, что она встала с кровати, вышла во двор на крыльцо, страшно перепугалась и тут же потребовала от меня уехать отсюда. Но как уехать? Своих лошадей

нет, никто из прихожан не хочет в такое тревожное время оставить семью, боясь разъединиться с нею. Наконец сосед-еврей, арендатор фольварка, предложил мне лошадей и подводу и только человека нужно было найти, который бы довез нас до уездного города Белгорая, в 31 версте от Кржешова, и возвратил бы ему лошадей и подводу. Вот и человек найден (это мой церковный сторож). Кое-что на скорую руку мы забираем в мешки, забираю жену, детей и прислугу и часа в два утра уезжаем в Белгорай. Там я думал нанять жене каретку, которая доставила бы ее с детьми и прислугой в Холм, а сам предполагал возвратиться в Кржешов вместе с возницей. Но возвратиться мне не пришлось. Прислуга, которая очень просила нас взять ее с собой, из Белгорая убежала от нас и мне пришлось больную жену и детей сопровождать в Холм. Я дал поручение сторожу охранять мою квартиру и предполагал из Холма возвратиться домой дня через три, но не тут-то было. В Белгорае же я узнал, что Кржешов сегодня в 8–9 ч. утра занят Австрийцами и мне, таким образом, туда дороги заказаны. – С тяжелым чувством я отправился в дальнейшее путешествие. Состояние тревожное. наших воинских частей нигде не видно. Ждешь, что вот-вот попадешь в руки Австрийцев. Только проехав верст 80 с лишком от границы, это под Красноставом²⁵, нам стали встречаться наши части пехоты, кавалерии и артиллерии, которые спешили на встречу врагу. Долгое, томительное путешествие сморило больную жену. Она передала мне маленького Всеволода, а сама уснула. Перед путешествием я не спал суток трое. И я сам уснул с малюткой на руках. Но меня тормозит кто-то и взволнованным голосом кричит над ухом: «где Вова?». Просыпаюсь, сначала не понимаю где я и что со мною, наконец прихожу в себя и вижу двух девочек Марию и Нину, сидящими против нас на скамейке в каретке, дверь каретки раскрыта, а по шоссе двигаются воинские части, обозы и артиллерия. Я пришел в ужас. Уверен был в том, что во время моего сна ребенок в [неразб.] выпал из каретки и его раздавили обозы, но в это время раздался писк ребенка, это мой наследник, лежа в наших ногах, на дне каретки, давал о себе знать. Радости нашей не было конца. – Но вот мы добрались и до Холма.

²⁵ Красностав, или Красностав (польск. Krasnystaw) – город в Польше, входит в Люблинское воеводство, Красноставский повет.

Холм – небольшой польско-еврейский городишка, недавно только произведенный в губернский город. Город забит военными и беженцами. Все гостиницы заняты. Нам едва, после долгих скитаний, удалось найти проходную комнату за 5 руб. в сутки (цена до тех пор небывалая), где мы и остановились.

Живем в Холме двое-трое суток. Дороговизна страшная. Средства иссякают, а надежд на возвращение нет. Я иду к Епископу Анастасию²⁶, сообщить ему о том, что Кр[жешо]в занят Австрийцами и просить его разрешения сопровождать семью в Могилевскую губ[ернию].

Анастасий принял меня очень неприветливо, когда узнал, что я покинул приход (епископ А[настасий], между прочим сделал распоряжение по Епархии, чтобы духовенство не оставляло приходов при наступлении неприятеля), не верил мне, что Кр[жешов] занят противником и только тогда поверил, когда во время нашего разговора, получил об этом сообщение от Командующаго Ю[го]-З[ападным] фронтом генерала Н.И. Иванова, штаб которого расположен был здесь же в Холме. Сделав мне выговор за самовольное оставление прихода, Еп[ископ] Анастасий не разрешил мне уехать из Холма. Я пробыл еще несколько дней в Х[олме], ежедневно бывал у Епископа, просил его отпустить меня на несколько дней сопровождать больную жену и детей и, наконец, после крупного разговора с ним, не получив разрешения, уехал в Толочин, а оттуда – в Брязгушку к родителям жены, где семью и оставил. Сам я отправился в Гомель к сестре Вере в надежде, что, живя в городе, я из телеграмм скорее узнаю о положении дел и смогу своевременно двинуть в обратный путь.

Здесь вскоре были получены сведения о взятии Русскими войсками г. Львова в Галиции, а там и о том, что Русские разбили Австрийцев под Замостьем²⁷, на стыке двух Австрийских армий Ауффен-

²⁶ Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873–1965), митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. С 14 мая 1914 г. по 10 декабря 1915 г. епископ Холмский и Люблинский.

²⁷ Замосць (польск. Zamość) город в Люблинском воеводстве Польши.

берга²⁸ и Данкля²⁹, фронт которых тянулся от Австр[ийского] Белзе-Люблина, и Австрийцы поспешно стали отступать. Я сейчас же отправился из Г[омеля]. на Лунинец по Зап[адной] ж[елезной] д[ороге] и на Брестина другой день был у жев Холме. К Епископу яужене являлся, а стал изыскивать способы как пробраться в родные Палестины, а подумать об этом и побегать пришлось немало.

В это время Холм весь был забит военными. Здесь штаб фронта, масса госпиталей, обозов. Частной подводой ни за какие деньги не найдешь. После продолжительной беготни, долгих расспросов, я получаю пропуск на дальнейшее следование в свои края и мне военные рекомендуют обратиться к начальнику автомобильного военного транспорта, который сможет меня доставить хотя бы до Замостья, это единственный способ добраться дотуда. Разыскиваю этот транспорт на конце города в казармах. Он ежедневно отвозит в Замостье продукты для армии, а оттуда увозит в Холм раненных и больных. Разыскиваю и знакомлюсь и с Начальником транспорта, который и дает мне разрешение отправиться в З. на грузовике, отправляющемся туда в 4 ч. утра. В казарме я и переночевал, а на другой день, чуть свет, отправился в Замостье.

Проезжаем гор. Красностав, который еще несколько дней тому назад, служил ареной боев между Русскими и Австрийцами. В городе много изъязнов от нашей артиллерии. Указывают мне места, где погибло масса Австрийцев в реке. Далее следует мест[ечко] Избица³⁰ и Замостье. В последнем – также масса изъязнов: пробитые снарядами крыши и стены домов, есть совершенно разрушенные здания, разгромленные Австрийцами магазины и квартиры обывателей.

Замостье еще более, чем Холм, забит военными. Бесконечную вереницей двигаются воинские части, обозы, лазаретные линейки. – Двигаться дальше мне – нет возможности. – Захожу в Управление Начальника уезда. Здесь встречаюсь и знакомлюсь с учителем из

²⁸ Мориц Ауффенберг фон Комаров, барон – австрийский военачальник Первой-мировой войны. Во время Галицкой битвы (август–сентябрь 1914 г.) командовал 4-й армией.

²⁹ Виктор Данкль фон Красник, граф – австрийский военачальник. Во время Галицкой битвы командовал 1-й армией.

³⁰ Избица (польск. Izbica) – сельский округ в Польше, входящий в Красноставский повет Люблинского воеводства.

с. Терешполя³¹, который приехал по делу к Нач. уезда, через пару часов, уезжает домой и забирает меня с собой. Слава Богу! Доберусь до Т[ерешполя], там уж найду как-нибудь подводу до Белгорая (оттуда это верст 14), а там – доберусь и до Кржешова, думаю я. Вот и Терешполь. Переночевав у учителя, я на следующий день с большим трудом нашел подводу и доехал до Белгорая. Говорю «с большим трудом» вот почему. Австрийцы, отступая, угоняли крестьян с лошадьми и подводами для перевозки раненых, больных, воинских грузов, а то и награбленного у мирных обывателей разного добра. Кого не захватили австрияки – того русские выгнали «в подводы». – Но вот и Белгорай. Это уж так сказать «свои края». Отсюда уже легче мне будет добраться до Кржешова. Б. также как и З., полон военных. Это совсем уж прифронтовой городок. Здесь – масса крестьянских подвод, которые ежедневно сгоняют сюда для нужд армии. Встречаю и своих прихожан «в подводах», которые с радостью встречают меня и рассказывают о своих переживаниях за время господства Австрияков. Радуются и тому, что я своевременно уехал из Кржешова, так как Австрийцы всюду искали меня и угрожали – повесить. – Иду к Начальнику уезда. Прошу его дать мне одну из Кржешовских подвод и, получив ее, уезжаю домой.

Картина, которую я видел по дороге в Кржешов, напомнила мне знаменитую картину Верещагина отступление великой Армии в 1812 году.

Дорога от Белгорая до Кржешова песчаная, сыпучий песок. Путь этот тяжел в летнее сухое время, но еще тяжелее в весеннее, или осеннее дождливое время, грязь – невылазная. И вот в это-то время Австрийцы не отступали, а прямо бежали к своим границам, будучи разбиты у Замостья и, боясь окружения, после взятия русскими Львова.

Весь путь усеян трупами палых лошадей. На дороге оставлено много санитарных линеек, подвод, зарядных артиллерийских ящиков. Сбоку дороги то там, то здесь – возвышаются небольшие песчаные холмики, из которых выглядывают то руки, то ноги, то головы наспех засыпанных покойников.

³¹ Терешполь (польск. Tereszpol) – сельская гмина в Польше, входит в Билгорайский повет Люблинского воеводства.

Я не привык к таким картинам и они производят на меня ужасающее впечатление.

Дорога идет лесом. Добираемся до р. Танева³², притока Сана, проезжаем еще несколько верст по лесу, выезжаем из него и вот на горизонте, на горе, виднеется Кржешов. Еще час томительного путешествия и мы подъезжаем к горе, на которой стоят церкви и мой дом. – Вся гора изрыта окопами, впереди брустверов – проволочные заграждения, а также набросаны плуги, лемешами вверх, и бороны, это на случай конной атаки. Но ничто не помогло Австрийцам, они слишком незначительное сопротивление оказали русским, хотя позиция у них здесь была отличная. Паника охватила их, спешно они переходили через ими же самими построенный мост через Сан, некогда было и взорвать его, а многие бросались в бурные в то время воды Сана с высокой прибрежной горы и вплавь старались достичь своего берега. – Я приехал в Кр[жешо]в через несколько дней после оставления его Австрийцами. В моей квартире – хаос. Двери и окна раскрыты. В гостиной – во всю длину расставлен громадный столовый стол, вокруг которого стоят стулья. На столе – масса бумаг. У меня в квартире был расположен какой-то Австрийский штаб. Крышка рояля – поднята. Картин на стенах – нет. В столовой – громадная картина (3x5 арш.) вырезана из подрамника и унесена.

В кабинете – шикарный ясеневый письменный стол – взломан, а бумаги, находившиеся в нем, частью изорваны, а частью валяются на полу. Книги из книжного шкафа – в куче на полу. В столовой, спальне и кухне – масса соломы. В платейном шкафу – пустота. Такая же пустота и в погребе под домом, где у меня было заготовлено до десятка пудов варенья. Мне рассказывали, что когда Австрийцы вскочили в мой дом и обнаружили большое количество варенья, они не сразу набросились на него, боясь отравы, а заставили нескольких человек русских попробовать его. – Иду в церковь – там полный порядок. Говорили, что когда Австр. вскочили в церковь – многие двинулись и в алтарь, но туда не допустили их офицеры-русины. Меня разыскивали и дома, и в церкви и в округе, заявляя, что я был здесь вчера и не мог уехать и обещая повесить меня. Причина – это

³² Танев – река в Польше, правый приток Сана.

возбуждение мирного населения против них, чего на самом деле не было. Правда, я и в церкви и везде на запросы своих прихожан говорил о причине войны, как она мне рисовалась по газетным сообщениям. Главное же их озлобление против меня, как передавали они нескольким человекам, было вот почему. У меня в гостиной на этажерке стоял дивный бюст Наполеона, среди искусственных цветов. И вот, когда Австр[ийцы] вскочили в мою квартиру – они заметили его и тут же стали говорить, что поп посмеялся над ними и хотел показать, что какова была судьба Наполеона в России – такова будет и их судьба.

V

Как я уже сказал, Еп[ископ] Анастасий сделал распоряжение, чтобы духовенство оставалось на своих местах при наступлении неприятеля. Такое же распоряжение по своим Епархиям сделали и Епископ Варшавский Николай³³ и Волынский Евлогий. Пользы от этого для дела – никакой, а вред для духовенства – очевидный.

Австрийцы, занимая Русскую территорию, смотрели на нашего брата, как на опасных людей. Тех священников, которые не пользовались кредитом в глазах верующих, – они не трогали, а священников, которые пользовались доверием и уважением прихода, – изолировали, арестовывали и угоняли в Австрию. Так они угнали в плен священников: Михаила Охотского, Николая Чаловского, Василия Мартынца и Василия Крашкевича (зятей Охотского), Максима Лаца и Николая Коста, моего наместника по Плуцкому приходу. О последнем у меня имеются следующие сведения моих бывших Плуцких прихожан. Когда Австрийцы вскочили в Плуцы – раздался выстрел. Среди Австрийцев появился слух, что «поп стшеля»³⁴. К дому о. Николая направилась толпа, которая за волосы вытащила его сонного, на глазах его малых детей на двор, избила и, вместе с арестованными людьми, погнала в Австрию, где тот и пробыл в плену несколько лет. – Оставшиеся на

³³ Николай (в миру Михаил Захарович Зиоров; 1851–1915) – с апреля 1908 г. архиепископ Варшавский и Привисленский.

³⁴ От польск. Strzelal – стрелял.

местах священники совершали требы и изредка служили. Сказать ч[что] л[ибо] в церкви – нельзя было, дабы не возбудить против себя новых хозяев положения, да и разговаривать с прихожанами вообще было не безопасно.

Арестованные священники пробыли в плену в ужасных условиях до конца войны и только Охотский и Чоловский в 1915 году были переправлены в Россию благодаря тому, что за них хлопотали видные люди. В 15 году я встретился с о. Николаем Чоловским в Могилеве, куда я приехал за получением назначения в армию. О. Николай только что возвратился тогда из плена. Вид его был ужасен. Еле живой, бледный, измученный, со впалыми глазами, одетый буквально в рубище – в какой-то изорванный пиджачок, рваные брюки, ботинки и такую же изорванную шляпочку – он производил впечатление старца-нищего.

Рассказ о его переживаниях в плену – заставил меня плакать, плакал и несчастный старик. «После долгих странствий и всевозможных оскорблений и оплеваний, говорил он, привезли меня в Нижнюю Австрию, в какое-то имение, где и поселили вместе со многими другими пленниками в каменном сарае, не то конюшне, с цементным полом. В помещении этом печей не было, приспособлений для спанья также никаких. Помещение согревалось нашим дыханием. На пол бросили нам соломы, которая не менялась целую зиму до Пасхи. Солома эта превратилась в труху, которая буквально ходуном ходила от множества насекомых. Кормили нас всякими отбросами. От скученности, холода и недоедания появился тиф, который очень многих из нас унес в могилу. Болел и я, но, благодаря Господу Богу, – оправился кое-как». Вот грустный рассказ старца-священника.

VI

2 сентября 1914 года Австрийцы оставили Кржешов, а уж через несколько дней после этого я был там. Сам Кржешов не пострадал от первого нашествия Австрийцев и только многих жителей не досчитывалось они были угнаны Австрийцами в «подводы».

Прошло несколько дней после моего приезда в Кр[жешов] и вот, в один прекрасный день, является ко мне Епископ Холмский Анастасий, повидимому для того, чтобы узнать на месте ли я. Он уже узнал о том, как относились Австрияки к населению вообще и к нашему брату в частности. Слышал он и о том, как Австр[ийцы] охотились и за мной. Я дал ему слово оставаться в приходе, но если, паче чаяния, Австр[ийцы] снова займут Кржешов – я ни за что не останусь в нем. – А[настасий] уехал. – В Кржешове ежедневно полно войсковых частей, обозов, лазаретов. Все они двигаются в направлении Тарнова³⁵, Кракова. Изредка вдали слышна артиллерийская канонада. Наконец и она замолкла совершенно. Но вот опять начинают слышаться артиллерийские выстрелы. Начинается, как будто, обратное движение наших войсковых частей. У меня в квартире останавливаются штабы корпусов, дивизий. На мой вопрос: что это значит? – Мне отвечают, что здесь очень много русских войск и их перебрасывают на Варшавский фронт. Но «свежо предание, а верится с трудом». Канонада все более усиливается и усиливается и я не верю заверениям военных. И я был прав. Числа 26 Сентября какая то особенная тревога началась. Под вечер в этот день, ко мне в квартиру, являются командир 132 Бендерского полка³⁶ и ком. 33 Артиллерийской бригады³⁷ и предлагают мне немедленно оставить квартиру и уходить, так как сейчас начнется бой. Я категорически отказываюсь покинуть свой дом и в нем, вместе со мной, поселяются штаб вышеуказанных полка и бригады. С несколькими офицерами я вышел на гору в фольварке, за костелом, и отсюда увидел, как последние наши войсковые части спешно перебираются по мосту через Сан на нашу сторону. Вот и мост опустел, по нему проскакивает еще несколько запоздалых кавалеристов. Вдруг несколько артиллерийских выстрелов потрясают воздух – это наша артиллерия, став на позицию, пустила несколько снарядов по Мосту, и мост был зажжен в нескольких местах. Наступила осенняя темь и какая-то зловещая тишина. Наши части всю ночь на берегу

³⁵ Тарнув, или Тарнов (польск. Tarnów) – город в Польше, в составе в Малопольского воеводства.

³⁶ Бендерский 132-й пехотный полк, сформирован в 1863 г.

³⁷ 33-я артиллерийская бригада входила в состав 21-го армейского корпуса.

Сана рыли окопы, окапывались и подошедшие ночью Австрияки на другом берегу Сана. А на другой день, часов в 8 утра, мы получили и первый Австрийский подарок, на что последовал и ответный с нашей стороны. Началась артиллерийская перестрелка, продолжавшаяся по 21 Октября включительно. Занятия начинались по часам: ровно в 8 ч. утра летел к нам Австрийский снаряд и ответный с нашей стороны, перестреливались до 12 ч. дня, там часовой перерыв на обед, а дальше снова начинались занятия и продолжались до 5–6 часов вечера. Били Австрийцы главным образом по церкви, думая, что там находится наблюдательный пункт, обстреливали и вообще гору и совершенно не трогали посада, находящегося внизу. Иногда Австрияки особенно нервничали ночью, тогда они заливали светом ракет весь Сан, боясь переправы через него Русских, и безудержно посылали нам снаряд за снарядом. Во время бомбардировки я, вместе с штабом полка, находился за алтарем церкви и только вечером, после «занятий», мы все шли в мою квартиру, завешивали окна палатками, зажигали огни, ужинали и скорее укладывались спать на полу на соломе с тем, чтобы завтра, чуть свет, быть уже на ногах. За время боев с 26/IX по 21/X мой дом не пострадал и только двор и сад мой были вспаханы снарядами. – Население посада во время бомбардировки – частью совершенно оставило посад, частью скрывалось днем в погребах, а частью спасалось в блиндажах, вырытых в ущелье между фольварком и костелом. – Жертв среди населения было мало. – Я часто днем объезжал верхом свой приход, спасая своих прихожан и вообще население от грабежей солдат-фуражиров, а это, сказать правду, бывало частенько. Вечерами я часто бывал на берегу Сана в окопах, у прожектора и, говорю откровенно, никогда не думал об опасности. Обо мне говорили, что я ищущий смерти, эти слухи дошли и до Епископа Анастасия.

Канун Покрова 30 Сентября. В этот день я испросил разрешение у военного Начальства отслужить всенощное бдение в своей церкви, а на другой день, в день Покрова Пресвятой Богородицы, – Литургию. Воинские части (132 Бендерский полк и 33 арт. бригада), занимавшие позицию в Кржешове, были оповещены об этом. Ротным командирам сделано было распоряжение отпустить в церковь солдат, желающих помолиться. Солдаты были предупреж-

дены, что идти в церковь они должны по одиночке и чрез алтарную дверь, дабы не выдать себя Австриякам. Богослужение началось часа в 4 по полудни. Солдаты, между тем, ринулись в храм чрез главную дверь храма и были замечены неприятелем. Пел отлично организованный хор Бендерского полка. Запели «Ныне отпускаеши» и в этот момент раздался оглушительный рев Австрийских батарей по церкви. Снаряды трехдюймовые рвались над церковью, впереди, с боков ее. Канонада продолжалось довольно долго, но только один снаряд угодил в угол церкви, не пробив стены, да крыша храма во многих местах пробита шрапнельными пулями. Богослужение я довел до конца. Никто не вышел из храма. Настроение было какое-то особенно приподнятое. Чувствовалась особенная сладость молитвы, которой до сих пор не испытывал. В день Покрова совершил Литургию в таких же условиях, при пении того же хора и под аккомпанемент Австрийских батарей. Жертв, слава Богу, не было. Жизнь тревожная и опасная. Такая жизнь моя продолжалось, как я уже указал, до 21 Октября включительно. В этот день шла артиллерийская дуэль между Русскими и Австрийцами и ружейная перестрелка и не чувствовалось, что мы накануне прекращения «занятий» в этом Кржешовском пункте. Ночь прошла тихо, без выстрела. Наши прожектора изредка нащупывали окопы противника, но там движения никакого не наблюдалось. Но вот настал день 22 Октября – праздник Казанской Богоматери. В этот день я, с своими сожителями, поднялся, по обыкновению, очень рано и все мы ждали первого Австрийского подарка, знак, что нужно спастись за церковь, но все тихо. Прождавши пару часов, мы осторожно стали пробираться к церкви, но снова тишина, ни выстрела. Мы осмелели, гурьбой высыпали на паперть церковную и тут же, невооруженным глазом, по другую сторону Сана, со стороны Пшеворска, заметили какую-то кавалерийскую часть, мчащуюся в направлении Рудника в тылу Австрийских окопов. Кавалерия все ближе и ближе и, наконец, в бинокли, мы различаем – казаков. Крик «ура» невольно вырывается из наших грудей и мы все быстро мчимся к берегу Сана, что бы хотя с нашего берега приветствовать наших казаков и посмотреть поближе, что будет дальше. А между тем Австрийцев и след простыл. В ночь с 21 на 22 Октября они тихонько оставили

свои позиции и спешно стали отступать к Кракову. В Январе месяце 15 года мне пришлось проехать по пути их отступления, быть в Руднике, Низко³⁸, Развадове³⁹, Рембице, Тарнове, Тухове и слышать много интересных эпизодов этого отступления.

За время своего пребывания в Кржешове с конца Сентября по 22 Октября у меня было много переживаний и масса впечатлений, но особенно сильное впечатление, которое не изгладится из памяти до конца дней моих, это в одну из октябрьских ночей, когда наши войска переходили на другой берег Сана против м. Рудника.

Темная осенняя ночь, ни зги не видно. В воздухе – холодно. На Кржешовском участке – тихо. Изредка ухнет орудие и опять тишина. Такая тишина нервирует противника. Неспроста такая тишина, думает он. Не собираются ли русские перейти в наступление? Левый берег Сана, занятый противником, зорко охраняется. Против Кржешова и левее его Австрийцы береговую полосу освещают ракетами. Раздастся выстрел, через несколько секунд в воздухе разрывается ракета и медленно опускается на землю, освещая ее на довольно далекое расстояние. Правее Кржешова, под Рудником, Австрийцы нервничают все больше и больше. Там все чаще и чаще раздается ружейная, пулеметная и орудийная перестрелка. Наконец, часов около 9–10 вечера там подымается настоящий ад. Как будто страшный ливень с градом опустился на землю и бьет по железной крыше, это трещат ружья и пулеметы. Раскаты грома орудийного – непрерывные. – Узнаем, что в эту ночь наши войска должны переправиться на другой берег Сана у Рудника. – В это время не сидится дома и я с несколькими офицерами спешу на берег Сана. Над Рудником – небо кровавого цвета, Рудник – в огне. Это наша артиллерия зажгла его со всех сторон. На кровавом фоне видны вспышки электрических больших искр, это – разрывы снарядов. Искры эти перекрещиваются и, кажется другой раз, что они сталкиваются друг с другом. Слышны страшные человеческие крики. Нервы не выдерживают, смотря на эту страшную, но в то же время и грандиозную картину. Меня начинает трясти лихорадка, но не могу

³⁸ Ниско (польск. Nisko) – город в Польше в составе Подкарпатского воеводства.

³⁹ Розвадов (укр. Розвадів) – село в Николаевском районе Львовской области Украины.

оторваться от этой картины. Бедные, несчастные люди, находящиеся в этом аду! – Но что же творилось на месте? Вот рассказ участника этого боя. Правее Нижней Каменки, против парка графа Тарковскаго, наши войска, в эту ночь, решили переправиться через Сан, выбить Австрийцев из окопов и занять Рудник. Но как это сделать? Сан в этом месте сравнительно узок, но довольно глубок и быстр. – Были заготовлены понтоны и ночью спущены на воду. Часов около 9 вечера наши понтонеры бесшумно начали свою работу по наводке моста, но вскоре были обнаружены Австрийцами и... заварилась каша. Поднялся адский огонь по нашим понтонерам, последних подержала наша артиллерия и пехота. Понтонерам, под ужасным огнем, пришлось наводить мост; разбивались понтоны, гибли и тонули люди, но все же мост был наведен. Наши части перебежали по мосту, но на другой стороне были встречены ураганным ружейным и пулеметным огнем противника. Австрийские укрепления были здесь солидные и засели они довольно прочно, но Русские, невзирая на страшный урон в своих рядах, все же прорвали Австрийцев и заняли Рудник.

Через пару дней после этого боя мне пришлось с одним корреспондентом газеты «Биржевые ведомости»⁴⁰ и с несколькими военными, в автомобиле, проезжать по местам боя и осматривать их. Направляемся к тому месту, где наши части переходили Сан. Весь правый берег, место расположения Русских, зияет ранами. С трудом минуем воронки от снарядов разного калибра. Попадают неубранные трупы убитых. Осторожно перебираемся по наскоро сколоченному мосту и попадаем на левый берег Сана. Здесь мы выходим из авто и осматриваем эти места более внимательно. Берег – низкий, песчаный, поросший мелким кустарником. Почти от самого Сана тянутся Австрийские окопы, а впереди их проволочные заграждения, разбитые нашей артиллерией. В окопах и кустарниках находили много убитых, попадаетея и оружие. Окопы тянутся несколькими рядами, а немного дальше, где берег начинает повышаться, окопы представляют из себя солидные укрепления в 2–3 яруса. Окопы тянутся направо чрез парк графа Тарковскаго, который (парк), кстати сказать, в это время представляет из себя в высшей степени

⁴⁰ «Биржевые ведомости» (Биржевыя Вѣдомости) – дореволюционная политико-экономическая газета, выходила в Петербурге в 1880–1917 гг.

печальную картину. Где была раньше громадная березовая роща – там остались жалкие остатки ее. Нашим артиллерийским огнем деревья срезаны на высоте 4–5 сажен. Масса деревьев выворочено с корнями и преграждают нам путь. Пробираемся к замку Тарковского окопами, сплошь и рядом заваленными. То там, то здесь – трупы и трупы. Из земли выглядывают убитые, полу землю, часто с винтовками в руках. Зрелище – жуткое. Окопы приводят нас прямо к замку, который в это время представляет из себя унылый вид. Некогда хорошенькое, деревянное, отштукатуренное, оригинальной архитектуры здание – ныне зияет многочисленными ранами: стены побиты снарядами, окна и двери отсутствуют, крыша наполовину разрушена. Входим в самый замок. Впечатление – удручающее. Вот белый огромный зал в 1 этаже, в два просвета. Мебель – белая, изломанная и оборванная. Шелк обивки, – по-видимому, пошел на портянки, или нашел к.л. другое применение. В углу зала – такой же белый рояль. Крышка его поднята, нутро частично вырвано, а посреди – солидная «визитная карточка» какого-то русского солдата. На окнах со второго этажа спускались шелковые занавески, а теперь они изорваны на тонкие ленточки, которые, при дуновении ветра, колеблются и как бы схватить тебя собираются. Жутко. Проходим ряд комнат и попадаем в столовую, сверху до низу увешанную черепами диких коз, под ними надписи: эрцгерцог – такой-то и дата, граф такой-то, член рейхстага (парламента) – такой-то и т. д. Взабираемся на второй этаж. Одна из комнат – вся завалена книгами, которые представляют из себя жалкий вид. В эту комнату попал снаряд и произвел страшные опустошения. На полу всюду солома, окровавленная вата и марля. Оставляем неприветливый замок под тяжелым впечатлением, выбираемся на дорогу, где нас ждет авто и едем в Рудник. Шоссе, проходящее среди соснового бора, – изрыто снарядами и обозами. Сам Рудник, еще недавно хорошенькое, цветущее местечко, во много раз лучшее многих наших Русских городов, с мостовой, каменными тротуарами и электрическим освещением, теперь – полуобгорелое, полуразрушенное. Вид жалкий. Особенно досталось 2-этажному каменному зданию школы, или суда, ко-торое зияет огромными дырами. Население разбежалось и теперь начинает помаленьку сходить на свое пепелище.

За поздним временем оставляем осмотр и спешим, пока еще светло, добраться до Кржешова.

Архив Гомельской епархии. Рукопись двусторонняя. На 59 листах. 117 страниц. Чернила фиолетовые. Книга инвентарная, фабричная. Без обложки. Состояние большей части текста хорошее. Повреждены страницы 1–2, 105–117. На последней странице датировка окончания написания воспоминаний: «26/III – 32 г. Гомель».

**THE MEMOIRS OF THE GOMEL ARCHPRIEST
PETER RYLLO (1884–1937).
PART 1**

The first part of the published memoirs of Gomel archpriest Peter Rylo is devoted to the description of his family, childhood, youth and the beginning of family life. A significant part of the publication is the description of events that took place in the Kholm diocese at the initial stage of the First World War (1914–1918).

Keywords: memoirs, memoirs, Russian Imperial Army, World War I, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Kholm Diocese.